

КОГДА ГОВОРЯТ МЕРТВЕЦЫ

КЛАС БУШМАНН

ведущий судмедэксперт
Германии, провел более
2500 вскрытий

12

УДИВИТЕЛЬНЫХ
ИСТОРИЙ
СУДМЕДЭКСПЕРТА

18+

Клас Бушманн
Когда говорят мертвецы.
12 удивительных
историй судмедэксперта
Серия «Bad Karma. Реальные
истории в стиле нуар»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67803905

*К. Бушманн. Когда говорят мертвецы. 12 удивительных историй судмедэксперта: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-170773-6*

Аннотация

Пошаговое расследование причин смерти вместе с одним из лучших криминальных судмедэкспертов Германии.

Каждый день стоять над трупами? Точно не для слабонервных. Но для Класа Бушманна это повседневная работа. Как и когда умер человек? Была ли это естественная смерть или убийство? Не хуже профессионального детектива он способен раскрыть самое запутанное дело по телу жертвы, ну, или по его кусочкам.

Мумифицированная ступня, найденная в шахте метро... Мужчина, перевозящий мертвую жену в багажнике... Такие

случаи не в новинку для опытного судмедэксперта. Доктор Бушманн не раз работал в «поле» и участвовал в расследованиях преступлений наравне со следователями. За многолетнюю практику у него скопилась целая коллекция странных, забавных и, конечно, жутких случаев.

Клас Бушманн ломает привычное представление о судмедэкспертах и приоткрывает завесу тайны над этой мрачной профессией. Что такое синдром «спрячься и умри»? Чем «неживой» отличается от «умершего»? Зачем коварному убийце резать жертве ногу, а не бить в голову или живот? Скоро вы всё узнаете...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	9
1. Рассвет	13
2. День рождения	26
3. Не хотел убивать?	40
4. Роковая интрижка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Клас Бушманн

Когда говорят мертвецы.

12 удивительных историй судмедэксперта

Claas Buschmann

Wenn die toten sprechen: spektakuläre fälle aus der rechtsmedizin

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2021
by Ullstein Taschenbuch Verlag

© Калинина Л. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Любой, кто окажется на медицинском столе доктора Бушманна, определенно обнаружит, что уже слишком поздно для какой-либо помощи. Он не просто мертв, но еще, скорее всего, и умер по неестественным причинам».

Газета Die Zeit

«Доктор Клас Бушманн – врач для мертвых. Большинство его "пациентов" умерли неестественным образом. Он рассказывает о своей работе и о том, как (не)реалистично она показана в криминальных романах».

Теле-радио компания WRD

«Когда на вечеринках доктор Бушманн представляется незнакомому человеку судмедэкспертом, первый вопрос, который почти каждый ему задает: “Как вы переносите запах?” – и сразу после этого: “Какими были ваши худшие тело и дело?”»

Криминальный интернет-канал watson.de

«Его рабочее место – холодная комната, объекты его работы – не от мира сего. У него часто спрашивают: “Скажите, доктор, действительно ли трупы полностью растворяются в соляной кислоте?” – Встречайте ведущего судебного эксперта Германии Класа Бушмана!»

Журнал Stern

«Прекрасное сочетание развлекательности и достоверности. Отличный дебют! Обязательно стоит прочесть всем поклонникам true crime!»

Михаэль Тсокос, судмедэксперт и автор нескольких бестселлеров

Все случаи, описанные в этой книге, взяты из реальной жизни. Имена действующих лиц и названия мест, где происходили события, вымышлены. Любые совпадения случайны. Диалоги и слова третьих лиц цитируются не дословно, но приводятся в соответствии с их смыслом и содержанием.

Берлин-Митте, начало восьмого утра. Пройдя мимо застекленного здания главного вокзала и стен исправительного учреждения¹, корпуса которого соединены в форме звезды, вы попадете в рабочий квартал Моабит, где старые здания соседствуют с новыми, современными. Здесь же расположено импозантное здание Уголовного суда в прусском стиле. За ограждением парковки – куб с дырой в одной из сторон. Немного устаревшая инсталляция все же смотрится достаточно современно. Внутри здания – длинный широкий коридор, похожий на больничный, только здесь тише. На стенах – несколько стеклянных витрин с препарированными руками, ногами и головами. Некоторые части тела с огнестрельными ранениями.

---

¹ «Моабит» – бывшая берлинская тюрьма, построена в 1888 году, одна из известнейших в мире, находится в центре Берлина. С 2001 года входит в состав округа Митте. В прошлом здесь применялись пытки заключенных, условия содержания в тюрьме были невыносимыми. В настоящее время немецкий «Моабит» – учреждение предварительного заключения для лиц мужского пола, достигших 21 года и старше, в которое водворяют по решению суда. – *Примеч. перевод.*

Коридор направо ведет к раздевалкам. Сотрудники вешают уличную одежду в шкафчик и переодеваются в синие брюки и синюю рубашку без пуговиц. Уличная обувь меняется на резиновые шлепанцы. Обязательны свежий фартук и одноразовые перчатки. Маска не надевается. Из раздевалки ведет еще одна дверь в более широкий коридор. Здесь стоит сладковатый гнилостный запах – кому-то он может показаться едким. Всего несколько шагов до большой раздвижной двери со стеклянным иллюминатором, через который видно четыре металлических стола, стоящих параллельно. В конце каждого из них – таз с водой, рядом ножницы, нож, пинцет, скальпели, иглы.

А на столах, вымытые и ненакрытые, лицом вверх, – четыре трупа.

Четыре человека, которые еще вчера, позавчера, три недели назад жили, дышали и разговаривали.

Кто вы, что с вами случилось?

И раскроют ли их тела правду об их смерти?

Берлин-Митте, почти восемь утра. Шесть судебных медиков входят в помещение для вскрытия и приступают к работе.

Предисловие

Я родом из Гамбурга, и это до сих пор слышно по моему акценту, хотя я прожил в Берлине много лет. Недавно я вернулся в Северную Германию. Не могу сказать, что стать судмедэкспертом мне было предначертано судьбой. Скажу больше, врач – это мое третье образование. И в моей семье врачей тоже не было. После окончания средней школы я понятия не имел, кем хочу стать. Мой интерес к медицине возник случайно, когда в середине 1990-х годов я сам попал в серьезную автомобильную аварию, будучи еще неопытным водителем. Был гололед, и я врезался в дерево. Приехала «Скорая помощь», и парни вытащили меня из покореженного автомобиля. К счастью, я серьезно не пострадал, а по дороге в больницу разговорился с одним из парамедиков. Он рассказал мне о своей работе, и я внезапно понял, что работа в службе спасения – это именно то, что мне нужно.

Тринадцать месяцев гражданской службы² на «Скорой помощи» оказались чрезвычайно захватывающими. Ты приходишь на работу утром и не знаешь, что ждет тебя в течение дня. Вот почему я сразу же после окончания гражданской службы пошел учиться на фельдшера: это моя первая

---

² Гражданская служба – альтернативная служба для военнообязанных, отказывающихся от военной службы, наиболее часто используемое выражение в Германии для обозначения альтернативной службы. – *Примеч. перевод.*

профессия! Однако я быстро понял, что мне этого мало. Какое будущее меня ждало? Постоянно заниматься тем, чтобы перетаскивать людей с пятого этажа в машину «Скорой помощи». Делать это можно максимум лет до тридцати, потом спина просто откажет. Мои сомнения росли. Многие из моих друзей в то время проходили обучение по коммерческим специальностям, поэтому я тоже решил сменить направление деятельности. Я прошел обучение на специалиста по сбыту и снабжению в крупной фармацевтической компании. К сожалению, я быстро понял, что офисная работа – это совсем не мое. Я взял себя в руки и доучился, зная, что никогда не буду работать в фармацевтике.

Так вот, мне было чуть больше двадцати, за плечами у меня – два законченных профессиональных образования. Но я до сих пор не знал, чем хочу зарабатывать на жизнь. «Иди в медицину», – посоветовала мне тогда моя девушка. Медицина? Мой аттестат об окончании средней школы не был выдающим, и, если разобраться, я, признаюсь, был немного ленив. Однако у меня накопилось достаточно «семестров ожидания»³, чтобы сразу же получить место в вузе. Почему бы не попробовать? В 23 года я поступил в Гамбургский университет. План был такой: я стану анестезиологом и буду ра-

---

³ «Семестры ожидания» – это время между окончанием школы и зачислением в вуз. Оно начисляется автоматически и независимо от рода деятельности в прошедшие годы. Достаточное количество семестров ожидания позволяет абитуриенту с низким школьным баллом быть зачисленным на факультет с ограниченным количеством мест, т. е. туда, где есть конкурс. – *Примеч. перевод.*

ботать на «Скорой». То есть в будущем я хотел работать врачом «Скорой помощи». Моя учеба была подчинена именно этой цели, я даже написал диссертацию по анестезии. Поначалу я даже не думал о судебной медицине, мне казалось, что это какая-то «побочная» специальность. Как врачу может нравиться иметь дело только с мертвыми? В профессию судебного медика я погрузился постепенно, на стажировке. Я заметил: у меня получается – и мне это нравится! Работа, которой я занимаюсь, приносит пользу, она актуальна и важна, причем не только для прокуратуры. Подробнее об этом я расскажу позже.

Еще во время учебы в университете я начал писать короткие научные отчеты о некоторых смертельных случаях. Иногда я посещал конгрессы по судебной медицине и выступал там со своими докладами, содержащими материалы моих исследований.

После окончания учебы, вопреки своим планам, я не смог устроиться на работу анестезиологом. И тут внезапно поступило предложение от профессора Михаэля Цокоса, моего друга и наставника на протяжении многих лет, поехать с ним в Берлин поработать судмедэкспертом в Шарите. Наверное, такой шанс выпадает только раз в жизни! Ведь Шарите – старейшая больница Берлина и одна из крупнейших университетских клиник Европы. Так в июле 2007 года я приехал в столицу и, наконец, определился с направлением деятельности. Это оказалась судебная медицина.

Ни о своем приезде, ни о своем выборе я ни разу не пожалел.

За одним лишь исключением, все представленные в книге истории относятся ко времени моего пребывания в Берлине, все они абсолютно правдивы, хотя порой мне приходилось опираться только на свои (безусловно, субъективные) воспоминания. Анатомические подробности иногда описываются несколько упрощенно, да простят меня медицинские работники из числа моих читателей. Имена действующих лиц, их профессии и названия мест, где разворачивались события, были мною изменены, дабы не нарушить права жертв и преступников. Сцены или диалоги приводятся не дословно – но всегда на основе достоверных источников и моего собственного опыта работы на месте преступления или в суде.

1. Рассвет

Многие с ужасом представляют себе работу судебного врача. Каждый день мы имеем дело с мертвыми – взрослыми, детьми, молодыми, стариками, с изуродованными, расчлененными или сильно сгнившими трупами. Тем не менее я не считаю, что вскрытие – это стресс. Почему? Можно подумать, что я просто черствый человек, но нет, совсем наоборот. Причина кроется совершенно в другом.

У этих людей, тела которых оказались у меня на столе, уже все позади. Они свободны от страданий и боли.

У нас же, живых, смерть еще впереди. И она может быть очень мучительной. И вот для тех, кто наблюдает за ней, прямо или косвенно, это как раз и есть чрезвычайный стресс.

Однажды, будучи еще совсем неопытным студентом-медиком, я попал в такую ситуацию. Была середина лета, по выходным я в основном подрабатывал на «Скорой помощи», чтобы заработать денег на учебу. В одном из районов в окрестностях Гамбурга мы работали сменами по 24 часа. Смена начиналась в субботу утром и длилась до утра воскресенья. То есть ты дежуришь целый день и всю ночь. Сегодня я критически отношусь к такому графику работы по многим причинам. Когда человек не спит 24 часа, его концентрация значительно падает, и он чувствует как будто легкое алкогольное опьянение. Несмотря на это, на вызове ты дол-

жен в любой момент быть готов спасать человеческие жизни и, возможно, молниеносно принимать серьезные решения. Иногда это легко, иногда сложно, а иногда невозможно.

Стоит отметить, что условия, в которых работает «Скорая помощь» за городом, сильно отличаются от городских условий труда. В мегаполисе, как я успел заметить, служба спасения – это чаще всего что-то вроде социальной службы. Вызовы делают люди, которые в нас на самом деле особо не нуждаются. При этом, если мы не приезжаем в течение двух минут, на нас сыпятся оскорбления. Нередки также случаи нападений на сотрудников службы спасения. Именно поэтому уже тогда я купил перцовый баллончик, чтобы в случае необходимости защитить себя. К счастью, я довольно крупного телосложения, и до сих пор мне неплохо удавалось постоять за себя – в основном, вербально, конечно. К сожалению, насилие в отношении работников «Скорой» – проблема не новая. В мегаполисе причиной вызова служит, как правило, чрезмерное употребление алкоголя, ссора, драка. Зачастую необходимости в «Скорой помощи» нет. Достаточно вызвать пострадавшему такси до ближайшего отделения неотложной помощи. Или же пострадавшему нужно просто пойти домой, лечь в постель и хорошенько проспаться.

За городом все по-другому. Когда на пульт поступает звонок, часто это означает, что произошло действительно что-то страшное. К тому же сам путь до места происшествия намного длиннее, чем в городе. Поэтому выезды даже на те вы-

зовы, которые не являются сложными, могут занять часа два, учитывая дорогу туда и обратно. Может случиться и так, что фельдшер приезжает на вызов раньше и ему приходится еще ждать, когда подъедет машина «Скорой помощи» с врачом.

В ту ночь я дежурил на станции неподалеку от одного маленького городка в Нижней Саксонии. Моим коллегой в эти выходные был альтернативщик, который только что закончил школу спасателей, с медицинской точки совершенно неопытный, почти подросток. Почему я об этом сейчас говорю? Потому что те события, которые произошли той ночью, было трудно переварить даже профессионалам. Две трети нашей 24-часовой смены – день и вечер – уже прошли, и пока ничего особенного не произошло. Однако работы все равно хватало, и у нас почти не было времени на то, чтобы перекусить. О том, чтобы прилечь, мы даже и не мечтали. Мысль о нескольких часах ночного отдыха, на которые мы надеялись, волновала нас все сильнее.

Однако около двух тридцати ночи нас снова вызвали: драка на выпускном балу. Звучало странно, но кто знает, что там произошло. Когда мы прибыли на вечеринку, то обнаружили там всего несколько пьяных выпускников средней школы. Один из них пожаловался, что после драки у него болит нога. Мне было совсем не смешно. Тоже мне, повод вызывать «неотложку». «Внимательнее надо быть, – мой голос наверняка прозвучал не очень дружелюбно, – сейчас глубокая

ночь! С утра пойдешь со своей ногой к врачу, а мы поехали». Может, я был с ним немного груб, но иногда именно такие четкие инструкции помогают пострадавшим прийти в себя.

Мы уехали. И тут, совершенно внезапно, наша рация как будто сошла с ума. Послышались неразборчивые, произнесенные словно в истерике, слова, из которых мы только и смогли понять, что произошло ДТП, местоположение которого не установлено.

Потом мы услышали разные названия улиц, что было крайне странно. Где и что произошло, понять было невозможно. Подробностей никто не знал. Наконец из диспетчерской пришло указание с примерным адресом. Мы тут же отправились на место.

Честно сказать, в тот момент я все еще был немного зол из-за предыдущего вызова – все из-за того, что я очень устал. «Может, кто-то просто снова хочет, чтобы его срочно доставили в больницу из-за ушиба ноги», – подумал я. Но оказалось, что в тот момент я даже не подозревал, насколько сильно ошибался...

Было около половины пятого утра. Начинался рассвет: было уже не совсем темно, но еще не рассвело. Легкий туман и почти сюрреалистический свет лежали над лугами и полями. Создавалось впечатление, что происходящее ведет нас по какому-то сказочному ландшафту. Мы проехали еще пару километров и увидели наконец место аварии.

Уже позже я узнал точно, что там произошло.

Выяснилось, что большая группа молодых людей веселилась на местной дискотеке. В течение вечера, о котором идет речь, у них завязалась ссора с другой компанией, неместной. Молодые люди повели себя достаточно разумно и решили не ввязываться в жаркие дискуссии, которые могли закончиться дракой. Они не хотели портить себе праздничный вечер. Вместо этого было принято решение поехать всем домой. Среди них был 19-летний водитель-новичок, уже слегка нетрезвый. Он приехал на машине, но теперь хотел оставить ее на парковке. Верное решение. Итак, вся компания направилась пешком в город. Дискотека располагалась за городом, в промзоне.

По пути к ним внезапно подъехала машина. Поравнявшись с подростками, она притормозила. Это были ребята из другой компании. Высунувшись из открытого окна, они с издевкой сообщили парню – владельцу автомобиля: «Мы нашли твою тачку на стоянке около дискотеки и поцарапали!» Затем они умчались. У парня после этих слов сорвало крышу. Автомобиль был явно его хобби – он обожал свой заниженный «Гольф». Начинаящий водитель со своим лучшим другом направился обратно к дискотеке. Добравшись до места, он сел в машину с другом – его просто распирало от ярости – и помчался за обидчиками, желая догнать их.

Остальные ребята из компании водителя тем временем продолжали свой путь домой по проселочной дороге. Их приятель показался сзади на очень высокой скорости, око-

ло 100 км/ч, и во время небольшого поворота налево потерял контроль над машиной. Это случилось именно в том месте, где шли остальные подростки. Он перелетел через бордюр, машину выбросило на тротуар, и она врезалась прямо в толпу его друзей. Судьбоносно, трагически – она задела 17-летнюю подругу водителя и 16-летнюю подругу пассажира. Затем автомобиль врезался в дерево. Рядом с дорогой была небольшая насыпь, покрытая кустами. Туда и отбросило двух девушек.

Конечно, прибыв на место аварии, ничего этого мы не знали. Мы обогнули последний поворот, и первое, что я увидел в утренних сумерках, был разбитый заниженный «Гольф», стоящий поперек двухполосного шоссе.

В голове сразу возникли вопросы: почему машина стоит так странно? Есть ли второй участник ДТП? Как-то по умолчанию мы готовились к дорожно-транспортному происшествию с двумя автомобилями. Потом в нескольких метрах от дороги на небольшом склоне я увидел толпу людей – они стояли, сидели, лежали, бродили между деревьями. Что они там делают? На первый взгляд было совершенно непонятно, что здесь произошло.

Из-за того, что на проезжей части и на тротуаре лежали разбитые детали автомобиля, мы не могли подъехать к «Гольфу» и к склону ближе. Судя по всему, полиция прибыла на место незадолго до нас. К нам подбежал молодой полицейский и ногой отшвырнул передний бампер разбитой

машины. Его глаза были такими огромными, что, казалось, кричали: «Давайте скорее!» Только тогда я понял, что, должно быть, произошло что-то ужасное. Дело в том, что, когда суетиться начинают полицейские или пожарные, это означает, что ситуация чертовски серьезная.

Краем глаза я увидел коллегу из второй «Скорой помощи», который приехал за несколько минут до нас. В нижней части склона он отогнул секцию забора. Его напарник, тоже очень молодой человек, сидел немного выше на склоне между деревьями рядом с пожилым полицейским. Полицейский держал на руках мертвую девушку. Он плакал. Я подбежал к нему и сказал: «Оставьте, мы займемся ей».

Я забрал у него тело и осторожно положил его на землю. Внешне пострадавшая девушка выглядела почти невредимой. Ни крупных ран на теле, ни лужи крови вокруг. Чтобы выяснить характер имевшихся повреждений, я разрезал одежду.

Должен заметить, что почти в каждом случае, с которым мы сталкиваемся, есть мелочи, которые глубоко врезаются в память судебного медика, которые трогают специалиста по-человечески. До сих пор не могу этого забыть: на девушке был красивый наряд, очевидно, она с нетерпением ждала выпускного и готовилась к вечеринке. «Это не мое дело, я не хочу этого видеть», – подумал я. Я начал реанимацию с непрямого массажа сердца. Однако уже с первым нажатием на грудную клетку я заметил, что она с хрустом осела. В

верхней части тела пострадавшей не было ни одной целой кости. Я даже не мог нащупать ее позвоночник. Без сомнения, эта девушка была мертва, но мы не остановились. Через разбитый рот мне даже удалось вставить дыхательную трубку в трахею.

Такой тип повреждений, который мы наблюдали в ту ночь, называется «обширная тупая травма». В отличие от ножевого или огнестрельного ранения при такой травме на теле практически нет видимых ран или ушибов. Мало кому из неспециалистов известно, что на самом деле кожа человека очень эластична, она прочно удерживает органы и кости вместе даже после очень сильного удара. Плачущему полицейскому (на руках которого, по всей вероятности, девушка сделала свой последний вздох и у которого, как я позже узнал, была дочь того же возраста), так же, как и другим свидетелям, было неочевидно, что помочь пострадавшей уже было нельзя. Со стороны же казалось, что девушка просто потеряла сознание. Мы продолжили реанимацию и интубацию, хотя уже после первых сделанных движений стало ясно, что мы здесь бессильны. Кроме того, у сотрудников службы «Скорой помощи» есть определенные инструкции, согласно которым полагается действовать в подобных случаях. Так, фельдшер не имеет права прекращать начатую реанимацию и констатировать смерть. Это может сделать только врач. Между тем, на месте аварии на тот момент врача все еще не было. Помню, казалось, что прошла целая вечность, прежде чем он

наконец появился. Дождавшись врача, мы остановили безуспешную реанимацию девушки, которая за все это время ни разу не подала никаких признаков жизни.

Только сейчас я смог до конца осознать, как вся эта ситуация выглядела в целом, и понять масштаб аварии. Это сложно описать, у меня было ощущение, что я попал в эпицентр взрыва. Сцены были почти апокалипсическими: десятки подростков, охваченных паникой, некоторые пьяные, многие бьются в истерике, кричат, лежат друг на друге и плачут. Водитель получил легкие повреждения и находился в состоянии шока. Он бормотал что-то себе под нос и смотрел сквозь меня, пока я проверял, нет ли у него травм. Его пассажир, молодой человек умершей, бегал взад и вперед, колотя себя по голове сжатым кулаком. Он был совершенно не в себе. Он словно пытался вырвать сам себя из ужасного кошмара.

Наконец совместно с командой спасателей мы смогли достать вторую девушку из обломков забора, к которому она отлетела в результате удара. Она пронзительно кричала. Это был хороший знак: кричит, значит, жива. Мы отнесли ее в машину «Скорой помощи». Врач решил – и, как потом выяснилось, совершенно верно, – что ее нужно отвезти в ближайшую больницу, всего в километре от нас. Она, вероятно, не перенесла бы долгой транспортировки в более оборудованное учреждение, например, в университетскую клинику. У нее были серьезные внутренние травмы, и ее нужно было

немедленно оперировать.

Вторая девушка выжила в той аварии. К счастью, в небольшой больнице, куда мы ее доставили, было отличное отделение экстренной хирургии. Там ее удалось для начала стабилизировать, а через несколько дней, насколько мне известно, ее перевели в более крупную клинику.

А мы? Мы поехали обратно на станцию и закончили смену как обычно. Привели в порядок машину «Скорой помощи», убрались, собрали вещи, переоделись и поехали домой. По должности нам не положена помощь психолога – ни после этого несчастного случая, ни когда-либо еще я ее не получал.

Той летней ночью, почти двадцать лет назад, когда двое молодых парней сели в машину и вскоре совершили смертельный наезд на двух молодых девушек, своих подруг, я пришел домой, как будто у меня была самая обычная смена.

Когда я открыл дверь квартиры, моя девушка тогда небрежно крикнула из кухни: «Ну, как на работе?» И я не смог ей ответить. Я сразу заплакал.

По сравнению с вот такими вызовами на ДТП работу судебного медика можно назвать спокойной. В нашем анатомическом зале, больше похожем на операционную, мы каждый день находимся в привычной среде с одними и теми же коллегами. Наша работа не богата впечатлениями. Да, конечно, трупы и истории, связанные с ними, бывают разными.

Но движения наших рук, наши инструменты, оборудование и методы обследования – одни и те же изо дня в день. Мы не ограничены во времени, на нас не давит ответственность быстрого принятия решений, мы можем провести процедуру спокойно, не спеша, потому что в нашем случае речь уже не идет о жизни и смерти. Здесь, скорее, встает вопрос о правде или справедливости, но нам не нужно принимать решений, от которых зависит жизнь пациента. На месте происшествия или убийства, куда нас вызывают, мы всегда приступаем к работе последними. Мы редко утешаем родственников погибших – сообщать им о смерти близкого не наша обязанность.

Однако это не означает, что в моей работе не бывает плохих дней. Так, 19 декабря 2016 года, понедельник, был как раз одним из них. В тот день вечером я сидел с семьей в пиццерии. Вдруг раздался звонок: «Теракт на площади Брайтшайдплац». Несколько человек погибли, многие серьезно ранены, ситуация неясна. Мы с коллегами прибыли на место около 22:00. Пятеро из нас начали работать сразу. Экстренные службы уже закончили свою работу. Пострадавшим оказали первую помощь и отправили в больницы. Теперь кто-то должен был позаботиться о мертвых.

Когда я только сел в машину и направился в сторону Шарлоттенбурга, меня охватило чувство тревоги. Никто не знал, что именно нас там ждало, был ли риск «второго удара», отложенной второй террористической атаки. В то время моя

жена была беременна нашими близнецами, вскоре я должен был впервые стать отцом. И у меня совершенно не было желания остаться в жизни моих детей лишь изображением на черно-белой фотографии. Когда я уходил, у жены возникла такая же мысль, как и у меня: «А там безопасно?»

На месте происшествия царила гробовая тишина. И это было в высшей степени символично, по крайней мере, так я чувствовал в тот момент. Террористы, кажется, специально все так обставили: полночь, мы стоим у подножия освещенной Мемориальной церкви, вокруг нас – разрушенный рождественский базар, повсюду поломанные христианские символы, разбитые ангелы, рождественские звезды, а посреди всего этого – черный грузовик, словно выпрыгнувший из ада. Как будто земля разверзлась и выплюнула его. Мертвая тишина и резкий запах горчицы, глинтвейна и жареного миндаля. Собирать трупы – вот что больше всего ненавидят сотрудники службы спасения. Ведь сейчас это просто тело, но вот скоро оно станет личностью, мы узнаем его или ее имя, адрес, биографию, увидим родственников. Будучи молодым фельдшером, я иногда слышал от пожилых врачей «Скорой помощи» такие слова: «Есть такие вещи, о которых лучше узнавать только из газет». Сегодня я понимаю, что они имели в виду.

Ситуации, с которыми сталкиваются в своей работе пожарные, врачи «Скорой помощи», полицейские или фельдшеры, в тысячу раз более стрессовые и травматичные, чем

любое вскрытие трупа в мире. Ведь они относительно внезапно попадают в ситуации, которые не могут предсказать заранее. И им нужно правильно среагировать на них и действовать уверенно. Нельзя повернуться и сказать: «Нет, спасибо, я не хочу этим заниматься». Именно поэтому названные профессионалы заслуживают нашего глубочайшего уважения.

2. День рождения

Работа судмедэксперта заключается не только в проведении вскрытий. Есть и так называемые дополнительные задачи. К примеру, мы всегда готовы прийти на помощь полиции. Кто-то из коллег едет на место преступления, кто-то консультирует и проводит срочное вскрытие, которое мы всегда делаем вдвоем в соответствии с Уголовным кодексом.

В детективных сериалах часто показывают вспыльчивого, ненавидящего всех и вся «судмедэксперта» (на самом деле судебного медика), который работает в одиночку в подвале без окон и уплетает свой бутерброд прямо в прозекторской. На самом деле это полная чушь. Вскрытие – всегда командная работа, которая проводится при дневном свете, поэтому окна в помещении должны быть обязательно.

В последние годы мне пришлось много работать в сотрудничестве с полицией.

Квартиры, в которых мне приходилось бывать по долгу службы, как правило, похожи друг на друга. Во всяком случае, меня еще ни разу не вызывали на виллу с золотыми унитазами. Конечно, иногда случается, что и состоятельные люди убивают друг друга, становясь убийцами. Но это, скорее, исключение. Гораздо чаще преступления против жизни (как судебный медик я никогда не говорю «убийства», это слово используется уже в суде) совершаются представителями

низших социальных слоев. Иногда мне кажется, что это обратная сторона нашей благополучной жизни. Цена того, что многие из нас могут жить хорошо. На периферии общества все выглядит иначе. Здесь люди с каждым днем опускаются все ниже. Здесь наркотики, алкоголь и насилие.

В Берлине, например, по сей день регистрируется большое количество убийств среди бездомных. Как правило, такие люди убивают друг друга в пьяном угаре. Общественность не замечает этого и, наверное, не хочет знать грязных подробностей этих преступлений. В прессе об этих убийствах обычно можно найти лишь краткое упоминание. Однако истории, которые скрываются за парой строчек из газет, шокируют.

Замечу, что убийства среди бездомных, как правило, удивительно похожи. Оружие используется редко, обычно несчастного просто забивают, часто ногами, поэтому трупы почти всегда выглядят одинаково. Тем не менее мне особенно запомнился один случай – случай человека на балконе. Может быть, потому, что даже нам, привыкшим ко всему медикам, он показался особенно жутким.

На дворе стоял сентябрь, был выходной день. Я дежурил всю неделю.

Около трех часов ночи неожиданно зазвонил телефон. Звонок был из полиции. Меня попросили приехать в Рудов, тихий, ничем не примечательный спальный район Берлина.

Место преступления оказалось грязной, запущенной однокомнатной квартирой в простом многоквартирном доме. Значит, у хозяина была своя крыша над головой – большая редкость в кругу бездомных. Как потом выяснилось, обычно он встречался со своими приятелями у различных питейных заведений, в парках или на вокзалах.

На этот раз двумя днями ранее хозяин квартиры пригласил своих знакомых к себе домой. Судя по всему, они собирались отметить его день рождения. На первый взгляд все вроде безобидно. Настораживало одно: двое приглашенных имели судимости за насильственные преступления. Имениннику было за 30, старшему из гостей за 50.

Празднование началось после обеда. В качестве угощения на столе стояли бутылки водки, которые мужчины были намерены осушить вместе. Настроение гостей быстро менялось: чем выше поднимался градус, тем ниже падала способность контролировать себя. Слово за слово и началось: «Четы от меня хочешь?» – «Ща получишь по зубам!» – «Подожди-ка, сейчас я тебе дам!»

Внезапно двое агрессоров без веской причины начинают избивать хозяина. Они вдвоем набрасываются на него с кулаками и помогают себе ногами. Через некоторое время они отпускают свою жертву, потому что звонит сотовый. На подходе еще один знакомый, тоже бездомный. Один из преступников отвечает на звонок и заманивает звонящего в квартиру.

– Давай, подгребай, здесь еще бутылка водки!

Спустя некоторое время на пороге квартиры появляется новый гость. Уже почти вечер. Новичок пока не в курсе событий, он ничего не знает о драке. Но оба агрессора, по всей видимости, уже опьянены насилием. Без предупреждения они затаскивают нового гостя в квартиру и тут же начинают избивать и его: «Ты сейчас тоже получишь! Отделаем тебя, как и того!»

Когда новый участник попойки падает на пол, его начинают бить по голове. Несчастный довольно низкого роста, худощавого телосложения и тоже алкоголик, поэтому никак не может противостоять нападавшим. В это время избитый хозяин квартиры сидит на своей кровати, стараясь не смотреть на происходящее. Он не вмешивается, ему страшно.

Другой гость, такой же пассивный, время от времени просит своих собратьев прекратить избиение. Но, чтобы насладиться процессом, тем требуется время. Беспричинное насилие длится почти три четверти часа. В какой-то момент жертва тихо всхлипывает. Человек пока еще жив.

После чудовищной драки двое преступников решают пойти в магазин – алкоголь закончился, нужна «дозаправка». Сначала они запугивают хозяина квартиры и остальных, а затем запирают их в квартире, ключ от которой забирают с собой. Вернувшись вечером, они перекладывают тяжелораненого на диван. В какой-то момент он сползает вниз, так и оставшись лежать между креслом и журнальным столи-

ком. Двое преступников, хозяин и свидетель, ложатся спать — всем нужно проспать.

На следующее утро просыпаются только четверо. Рядом с ними лежит труп. Преступники в панике: от тела нужно избавиться, и лучше всего сделать это так, чтобы оно исчезло бесследно. Им приходит в голову идея: арендовать машину и погрузить в нее труп. Затем можно уехать куда-нибудь, например, в Польшу, а там выкинуть или закопать тело. Но где взять деньги на аренду машины?

Ну, конечно, сдать что-нибудь в скупку! Ведь в квартире есть большой плазменный телевизор и акустика. Поскольку после избиения накануне у хозяина под глазами проступили два синяка, преступники надевают на него солнцезащитные очки и выталкивают из квартиры. Вместе они идут к ломбарду. Но, вопреки ожиданиям, телевизор и акустическая система приносят всего 250 евро. Этого недостаточно, чтобы внести залог за аренду автомобиля. Нужен новый план, не оставлять же покойника в квартире.

При этом участники преступления хотят «продолжения банкета». Сначала труп бросают на кровать, но зрелище это так себе. Вернувшись в очередной раз после покупки алкоголя, мужчины снова перекладывают несчастного. Теперь подходящим местом для трупа им представляется маленький балкон. И хотя он полностью завален хламом, мужчинам удастся найти место под столом. Туда они сваливают тело своего приятеля и даже кладут ему под голову подушку и накрыв-

вают одеялом. Все, дело сделано.

Попойка продолжается весь вечер пятницы, но в какой-то момент алкоголь снова заканчивается. Напуганный свидетель, который уже более суток не находит себе места от страха, предлагает сходить в магазин. Под этим предлогом ему наконец удастся покинуть квартиру, выйдя из которой, он сразу набирает номер службы спасения. Затем он покупает выпивку и возвращается на место преступления.

Полицейские приезжают в квартиру около двух часов ночи. Они обнаруживают четырех мужчин, все в стельку пьяные, и тело на балконе. Что именно произошло, неясно. Всех четверых задерживают. Затем полицейские звонят мне.

В таких случаях я, естественно, составляю протоколы осмотра места преступления, где на месте фиксирую свои впечатления в письменной форме. Это помогает позже определить, какие, например, травмы были нанесены какими предметами, находящимися в квартире, и, таким образом, восстановить ход событий. Первое, что бросается мне в глаза в этой квартире: в ванной отсутствует сиденье для унитаза. Наверняка на то были какие-то свои причины, не имеющие отношения к делу. Тем не менее, часто всякие мелочи оказываются важными. Очевидно, местом трагедии была гостиная: стеклянные панели шкафа здесь выбиты, на стенах – кровь. Все выглядело так, как будто кто-то сидел на кровати, потом его ударили, а затем он упал на пол. Это было видно по рисунку пятен крови. Некоторые из них были во-

круг кровати, другие имели форму восклицательных знаков. Отдельные капли крови попали даже на потолок и под шкаф. Было ясно, что здесь происходило жестокое избиение.

Контраст с мирной обстановкой на балконе, где покойник был заботливо укрыт одеялом, очень сильно бросался в глаза. Возникла мысль о некоем «сожалении». Иногда такое наблюдается в преступлениях, совершаемых против близких, – преступник пытается как-то символически замаскировать содеянное. Я хорошо помню случай, когда мужчина сначала задушил свою жену шнуром от лампы, а затем заботливо положил ее тело на брачное ложе – даже вложил ей в руки цветы. Кроме того, он снял прощальное видео перед тем, как прыгнуть с крыши дома. Телевизор в гостиной той квартиры стоял на паузе, и когда мы приехали, то увидели на экране неподвижное изображение убийцы. Видео было адресовано детям пары, которые во время преступления находились в школе.

Если не обращать внимания на подушку и одеяло, то убитый, лежавший на балконе, выглядел именно так, как и ожидалось: лицо сильно опухло и было покрыто синяками. Примечательно, однако, что при надавливании кожа на теле трескалась. Это явный признак так называемого напряженного пневмоторакса, и, как мне кажется, указывало на сломанные ребра, которые могли повредить легкие.

Между тем наступило утро. Как обычно в таких случаях, дежурный прокурор распорядился о проведении срочно-

го вскрытия. Полиция – комиссия по расследованию убийств из Управления уголовной полиции Берлина взяла дело себе – была очень заинтересована в нем. Полицейскими высказывалась и еще одна версия произошедшего – между участниками завязалась драка, но причиной смерти все же стал сердечный приступ.

Несколько часов спустя тело погибшего мужчины лежало на нашем столе для вскрытия. Так, мы с коллегой увидели то, о чем я и так уже догадывался: все тело представляло собой одну большую гематому, отеки и ссадины были повсюду. Мы всегда тщательно документируем все травмы. У этого трупа мы обнаружили также несколько рваных и ушибленных ран – на бровях и других выступающих костных структурах лица. Все они возникли в результате ударов руками или ногами. Когда в ход идет нож или другой острый предмет, это легко увидеть – края раны будут гладкими, оттого что тело рассекли острым лезвием. Если же кожа лопается или рвется от ударов тупым предметом, края раны как будто слегка «потрепаны». У этого мужчины также была ссадина на переносице, вероятно, от удара ногой по лицу. Рот был полон крови. Ушные раковины порваны. Судя по такому характеру повреждений, били несчастного не только кулаками. Картина повреждений давала основания думать, что преступники работали ногами. Причем в обуви – босой ступней так сильно не ударишь. У пострадавшего также были обнаружены характерные небольшие синяки на руках, в тех местах, где пре-

ступники держали его. Мы называем это следами от пальцев. Можно также сделать вывод, что он пытался защищаться и даже ударить нападавших, — это было видно по окровавленным костяшкам пальцев.

На балконе под трупом не было большой лужи крови, равно как и в гостиной. Много крови мы нашли в жировой ткани — у покойного были кровоизлияния по всему телу. Местами образовались целые полости с кровью. Кроме того, мускулатура туловища была почти полностью разорвана. Было сломано несколько ребер. Некоторые из них повредили легкие — как я и предположил на месте преступления из-за того, что кожа при надавливании трескалась.

Легкие человека не прикреплены к внутренней части грудной клетки, они удерживаются на месте отрицательным давлением. Оно обеспечивается внутренней легочной плеврой, которая срослась непосредственно с легкими, и внешней легочной плеврой, которая прилегает к ребрам. Промежуток между этими плеврами называется плевральной полостью. Если сюда попадает воздух, легкие теряют контакт с внутренней частью грудной клетки, а вместе с ним и объем. Отрицательное давление исчезает, напряжения больше нет, и легкое спадает. Это может произойти, например, при повреждении ножом — тогда воздух может попасть внутрь. Или воздух может сам выйти из легких, например, при повреждении ребер, когда часть ребра впирается в легкое. В самом начале такая рана не представляет прямой угрозы для жиз-

ни, ведь у человека два легких. Но через отверстие в легких образуется своего рода клапан, и с каждым последующим вдохом пациент выталкивает в эту щель все больше воздуха, отчего давление в плевральной полости растет. В какой-то момент человек, можно сказать, задыхается от собственного дыхания, потому что давление в плевральной полости никуда не девается – и в результате происходит сжатие сначала пораженного легкого, затем сердца и крупных сосудов и, наконец, здорового легкого с противоположной стороны. Находящийся под давлением воздух из плевральной полости проникает и в мягкие ткани, из-за чего кожа при прикосновении трескается.

Представьте себе, как тысячи маленьких пузырьков постепенно распространяются по всему вашему телу. Чем дольше длится процесс и чем больше вдохов делается, тем более обширной становится так называемая эмфизема кожи или мягких тканей. Я видел трупы, которые выглядели так, словно их накачали насосом. Ужасная и мучительная смерть.

В случае с мертвым человеком на балконе мы обнаружили относительно легкие повреждения легких из-за сломанных ребер, которых, однако, оказалось достаточно, чтобы воздух вышел. Эти повреждения уже были покрыты фибрином, эндогенным клеем, который важен для свертывания крови. Так что тело уже начало бороться с травмой. Явное указание на то, что мужчина довольно долго мучился. Есть и другие при-

знаки того, что агония длится долго. Надпочечники расслабляются, выделяются гормоны стресса, в том числе кортизол и адреналин. Часто в итоге надпочечники разрушаются, что видно невооруженным глазом. К тому же кровь трупа не такая жидкая, как в случае быстрой смерти, а скорее свернувшаяся, похожая на жир. У этого мужчины все эти признаки были налицо. Очевидно, он промучился несколько часов.

И за это время никто не позвал на помощь. А ведь его можно было спасти: опытный врач «Скорой» сразу бы заметил лопающуюся кожу и сбросил бы избыточное давление из разрыва в легких. Это жизненно необходимая неотложная мера, которую с легкостью может выполнить опытный врач. Проведи кто-то эту операцию вовремя, мужчина не умер бы от обширных гематом. У него не было кровоизлияния в мозг, например, что удивительно, ведь его сильно били, в том числе и по голове. В данном случае из серьезных повреждений – «только» сломанные ребра.

Мы заканчиваем вскрытие. Теперь, конечно, встает вопрос, кто из четырех человек, присутствовавших в квартире, совершил преступление. Как судебные медики, мы можем попытаться сделать предположения на этот счет. С этой целью нам нужно осмотреть не только мертвого, но и живых. Мы часто проводим такие расследования в отношении задержанных.

Итак, после вскрытия моей задачей было осмотреть ноги четырех бездомных алкоголиков и подробно задокументи-

ровать увиденное. Кто из них был виновен? Очевидно, запой у мужчин длился уже давно, несколько недель и даже месяцев. За это время они наверняка не меняли носки, не мыли ноги и уж точно не стригли ногти на ногах.

Когда мне кто-то говорит, что в зале для вскрытий отвратительно пахнет, мне всегда хочется взять его с собой на такие вот осмотры. Или в захлавленную квартиру, где забытый труп пролежал несколько месяцев. В госпитале Шаритэ наши помещения оснащены кондиционерами, а тела, с которыми мы работаем, в основном находятся в холодильниках. Признаюсь: некоторые трупы – особенно те, которые извлекли из воды спустя несколько месяцев, – очень неприятно пахнут. Но самый ужасный запах, который мне когда-либо пришлось почувствовать, исходил от пациента с острым заражением крови. Это было во время операции, я тогда был молодым санитаром «Скорой помощи» и проходил стажировку в клинике. У мужчины была температура под сорок и большой абсцесс на бедре, заполненный литром гноя, – вот где была неимоверная вонь! После такого меня уже сложно чем-либо удивить в плане неприятных запахов.

На первый взгляд на неухоженных ступнях четырех подозреваемых не было свежих травм, требующих лечения. Хирург-травматолог вряд ли стал бы копать глубже. Да и зачем ему это? Но для судебного врача важна каждая мелочь. У «хозяина», который тоже подвергся насилию, я не обнаружил ссадин или кровоподтеков на ступнях или голени. Он

точно не бил никого ногами. У пассивного свидетеля не было свежих следов травм по всему телу, что также подтверждало его слова о том, что он не участвовал в драке.

А вот с двумя другими задержанными ситуация была иной – оба утверждали, что с трудом могли вспомнить события предыдущих дней и ночей. У младшего из них был большой свежий синяк на лодыжке, у старшего – свежие синяки на лодыжке и ссадины на ахиллесовом сухожилии. Повреждения явно были получены от ударов ногой и соответствовали характеру повреждений у убитого, а также обуви преступников. С трудом можно себе представить, насколько сильно нужно бить кого-то ногами, чтобы на собственной ноге появился синяк. Травмы ахиллесова сухожилия часто появляются при ударах ногами, нанесенных сверху вниз. Ссадины возникают в результате трения ноги и обуви.

Одним из по-настоящему удивительных аспектов судебной медицины является тот факт, что во всем разобраться судебному медику помогает наличие здравого смысла и некоторого опыта. Иными словами, чтобы восстановить картину преступления, не нужны сложные научные методы. Результаты моего осмотра были однозначными, и их учли в ходе расследования. Оба виновных были осуждены. Таким образом, для меня на этом дело закончилось. Ну, или почти закончилось. Через несколько месяцев я по работе оказался в тюрьме, где отбывали сроки оба осужденных. Там мне бросился в глаза опрятно выглядящий мужчина в тюремной

робе. Он не узнал меня, чего не скажешь обо мне. Это был один из преступников. Было видно, что отказ от алкоголя и соблюдение четкого распорядка дня пошли ему на пользу. Он выглядел здоровым и с медицинской точки зрения, по крайней мере, внешне, находясь в значительно лучшем состоянии, чем когда я осматривал его стопы.

По моему опыту, многие люди, которые раньше жили в ужасных условиях и совершили преступления, даже извлекают выгоду из своего заключения. Попадая в тюрьму, они начинают регулярно питаться, мыться, носить чистую одежду и получать медицинскую помощь. Как же это горько и цинично – невиновный должен умереть, чтобы кто-то другой – преступник – получил шанс на новую жизнь. Лично я до сих пор стараюсь не давать оценки таким ситуациям. Так выглядит правовая система, в которой мы живем. А судебная медицина является ее частью и занимает в ней строго отведенное место. Работа же судебного медика состоит не в том, чтобы давать моральную оценку преступникам и их жертвам. У нас совсем другие задачи.

3. Не хотел убивать?

В организме человека есть три полости: полость черепа, грудная и брюшная полость. Грудь и живот разделены диафрагмой. Иногда при нападении случается так, что целостность одной из этих полостей нарушается, например, когда преступник стреляет или наносит своей жертве ножевое ранение. Для юридической практики это принципиально важный момент, ведь в таком случае можно предположить, что злоумышленник планировал убить свою жертву. В законе это прямо не прописано, но в немецкой уголовной практике такое обстоятельство принято учитывать. Характер полученных ранений влияет и на то, кто будет расследовать преступление: если, например, пострадавший был ранен в руку или ногу, то дело ведет местный уголовный розыск. Если же была нарушена целостность легких, брюшной полости или черепа, то за дело берется отдел по расследованию убийств. Конечно, в современных полицейских реалиях это разделение прослеживается не так четко, но ключевым моментом для расследования все же является факт «повреждения полости тела». Если пострадавший умирает, то преступника будут судить по статье «убийство» или «непредумышленное убийство» – и наказание за такое преступление будет довольно суровым. Если же полости тела не были повреждены, то действия преступника квалифицируются как «нанесение те-

лесных повреждений, повлекших смерть», и у злоумышленника есть шанс получить меньший срок.

Но ведь может случиться и так, что преступник как раз-таки хочет убить свою жертву, но при этом сознательно не наносит ранения в область легких, живота или головы.

На первый взгляд, подобная ситуация кажется нереальной. Но на самом деле представители определенных криминальных кругов нередко такое практикуют. Принцип повреждения полостей тела ни для кого не является секретом. Другими словами, преступники рассуждают так: лучше я нанесу жертве удар в ногу, и даже если меня поймают, тюремный срок не будет большим.

Конечно, когда мы делаем вскрытия, намерение преступника не остается незамеченным. Один из моих диссертантов, доктор медицинских наук Мико Голембиевски, в рамках своей научной работы⁴ подсчитал, сколько погибших от смертельных ножевых ранений побывало на наших столах для вскрытия в период с 2005 по 2015 год. Большинство из них умерло от ранений в грудь и шею, однако семь процентов случаев касались гибели от травм рук, ног или паха. Стоит отметить, что не во всех случаях причиной смерти было убийство, данные исследования учитывали также суицид.

Именно из-за этих семи процентов я считаю, что судебные медики должны не только заниматься вскрытием тру-

---

⁴ Golembiewski, M. (2020): Todesfälle durch scharfe Gewalt in Berlin 2005–2015. Diss. med., Berlin.

пов. Они должны доносить свою позицию до судей, прокуроров, юристов и врачей. Делиться же своими знаниями с общественностью я считаю совершенно необходимым. Кто же еще, как не судебные медики, обратит внимание общественности на узкое место в системе? Мы проводим исследования, мы тщательно изучаем каждый смертельный случай, мы публикуем статьи и читаем лекции – и будем делать это и дальше, пока, в идеале, в судебной системе, а также в системе неотложной медицинской помощи что-то не изменится.

Отмечу, что положительные изменения все же происходят. Например, удары по голове сегодня оцениваются иначе, чем еще несколько десятилетий назад. В прошлом судьи часто трактовали такие действия как не опасные для жизни. Но сколько людей скончалось как раз от ударов по черепу. И такая правовая позиция суда существовала довольно долго. Для того, чтобы вывод о смертельной угрозе от ударов по голове был учтен в судебной практике, потребовалось время. К счастью, сегодня кому-нибудь из юристов вряд ли придет в голову рассматривать удары по голове как безобидную составляющую драки.

Однако, что касается ножевых ранений рук и ног, то тут вердикты суда часто идут вразрез с выводами медиков и полицейских. Именно по этой причине я хочу рассказать следующую историю, которая демонстрирует, что когда речь идет о намерении убить, ограничиваться теорией о повреждении полостей тела неуместно. Смерть может наступить и

от удара ножом в конечность.

Это произошло в конце июля. Был вечер воскресного дня. Два наркодилера едут на разборки с третьим, которого они хотят припугнуть. Несколько недель назад парни передали ему несколько граммов марихуаны стоимостью пару сотен евро, которые тот должен был продать и вернуть им процент. Но 29-летний наркоторговец не возвращает долг даже после неоднократных «напоминаний». Разгневанные дилеры назначают ему встречу в парке Герлитцер – «административном центре» наркоторговли Берлина.

Специально для встречи они арендовали старую «Ауди». Подъехав, они приказывают парню сесть в машину: «Давай, на заднее сиденье!» Так, вместе, все трое уезжают из центра города.

Задние двери машины заблокированы. Угрозы и побои, вероятно, начинаются уже в дороге: «А теперь смотри, что мы с тобой сделаем!» Они подъезжают к лесному массиву. «Выходи!» Но парень не горит желанием выбираться из машины. Завязывается потасовка. Тут один из дилеров, тот, что тоже сидел на заднем сиденье машины, вытаскивает нож с лезвием длиной 20 сантиметров и наносит жертве удар в паховую область справа. Наверное, он даже провернул нож в ране, или сама жертва в этот момент дернулась. Позже, во время вскрытия, мы обнаружим так называемый «ласточкин хвост» – рваные края раны, которые позволяют сделать вы-

вод о том, что во время удара положение ножа в ране менялось. Пострадавший сбегает из машины, но через несколько метров падает и остается лежать возле лесной тропы.

Понимали ли преступники, что потерпевший получил смертельное ранение? Намеренно ли дилер не стал бить свою жертву ножом в живот или грудь? Знали ли они, что их жертва умрет в лесу в течение очень короткого времени? Человеческие артерии, проходящие через руки и ноги, толщиной примерно с мизинец. Глубокий прокол или порез в нужном месте – и кровь под высоким давлением хлынет наружу в такт ударам сердца. Как из крана, если его постоянно открывать и закрывать.

Сколько времени нужно, чтобы истечь кровью при такой пульсирующей ране? Это можно легко рассчитать: объем циркулирующей в организме крови составляет примерно восемь процентов веса тела. В моем случае это выглядит так: я вешу почти 100 килограммов, а значит, в моем теле почти восемь литров крови. Если потерять треть, то есть около 2,6 литра, то наступит клинический шок. Шок – это дисбаланс между потребностью организма в кислороде и тем количеством кислорода, которым он располагает в данный момент. Если по венам течет недостаточно обогащенной кислородом крови, человек сначала бледнеет, его сердце начинает биться быстрее, а кровяное давление падает, потому что организм концентрируется на доставке крови к жизненно важным органам в голове, грудной клетке и желудке. Это состо-

ание можно купировать, если немедленно остановить кровотечение, дать пострадавшему кислород и, например, поднять высоко ноги, чтобы кровь переместилась от конечностей к туловищу и голове.

Однако эти цифры применительны только к здоровому человеку. Девяностолетний старик с больным сердцем может не пережить и двадцатипятипроцентную потерю крови, потому что способность человеческого тела компенсировать такое состояние сильно ограничена возрастом. Вывод такой: сильное кровотечение необходимо останавливать быстро и эффективно, иначе пострадавший умрет в течение очень короткого времени. Достаточно всего нескольких минут. Сегодня спасательные службы хорошо знают, что делать с такими травмами, – в том числе благодаря опыту работы в местах террористических атак, прокатившихся по миру в последние несколько лет. У спасателей всегда есть с собой специальные материалы для перевязки сильно кровоточащих рук или ног.

Раньше в случае сильного кровотечения медики старались во что бы то ни стало сохранить конечность. Теперь же действует другой подход. По-английски он звучит как «Life before limb» – «Жизнь важнее конечности». Таков девиз медиков сегодня. Иными словами, если человек истекает кровью после взрыва бомбы или обстрела, то руки и ноги ему сохраняют во вторую очередь. При этом службы спасения, полиция и спецподразделения делают упор на методы и средства военной медицины. К ним относится так называемый

турникет – по-французски «жгут» – нечто среднее между поясом и давящей повязкой. В последние годы он все активнее применяется и в гражданской медицине. Жгут можно затянуть очень туго. Для пострадавшего эта манипуляция чрезвычайно болезненна, однако часто наложение такого жгута – единственный способ спасти жизнь.

Но вернемся к нашим преступникам. Что же они упустили из виду тем летним вечером? Рядом с неприметной лесной тропинкой, на которой лежит пострадавший, располагается новый жилой массив. И житель этого массива, по счастью, возвращается с пробежки. Он находит тяжело раненого, но еще живого парня, и немедленно вызывает «Скорую помощь». Позже в качестве свидетелей будут допрошены и другие соседи, которые слышали громкий спор между мужчинами и описали странный автомобиль, который со свистом умчался с места преступления.

Однако, когда некоторое время спустя прибывает спасательный вертолет, помощь уже не требуется: жертва умерла от потери крови. Вертолет снова поднимается в воздух, парень остается лежать на земле. Теперь дело за судебными медиками.

Как и всегда, когда мы едем на вызов, в машине царит тишина. Я паркуюсь у лесной тропинки и иду к трупу. На вызове все наши сотрудники носят белые защитные костюмы. И в отличие от героев детективных сериалов, ни одному из

нас, ни судмедэксперту, ни инспектору уголовного розыска, не придет в голову бродить по месту преступления в уличной одежде.

По словам очевидцев, в машине сидело двое мужчин. Мы пока не обнаружили их следов, пока не понимаем их мотивов, но их уже объявили в розыск.

Тем временем криминалисты из Управления делают необходимые фотографии. Полиция уже зафиксировала кое-какие следы на земле. Приезжает пожарная машина, она освещает прожекторами место преступления. Уже стемнело, а нам для работы нужен яркий свет.

Теперь, как показывает опыт, пройдет несколько часов, прежде чем можно будет увезти труп. Судмедэксперты не должны мешать криминалистам, и нам, конечно же, придется ждать, пока те завершат работу по сбору улик. В отличие от наших сериальных прототипов, мы тоже можем уничтожить следы. Стоять часами без дела – это часть нашей работы. Что касается меня, то я использую это время для разговоров и наблюдений. Такое времяпрепровождение помогает мне укреплять личные связи с полицией и пожарной службой. Ведь плодотворная совместная работа и здоровые отношения важны всегда, так же, как и взаимная польза от навыков и знаний друг друга.

К нашему невезению, этот июльский вечер выдался очень жарким. Почва в лесу болотистая, отчего вокруг нас роится бесчисленное количество комаров. Я и так сильно потею под

своим белым защитным костюмом, а тут еще сводят с ума эти мерзкие маленькие твари. Полиции удастся установить личность убитого. К счастью, у него был с собой бумажник с удостоверением личности. Лицо парня белое, как мел, одна штанина, а также носок и ботинок залиты кровью.

Сначала специалисты нумеруют вещдоки, затем накрывают труп прозрачной пленкой и делают необходимые снимки – фотографируют каждый клочок одежды, каждый окурок и каждый след на лесной подстилке. Это тяжелая, кропотливая работа, но именно так можно найти следы ДНК предполагаемых преступников. Сотрудники службы спасения уже разрезали до нас залитую кровью футболку.

Когда все фотографии сделаны и все следы зафиксированы, я подхожу к трупу. Уже за полночь, со мной остаются дежурные полицейские, как всегда любопытные и внимательные. Я начинаю работу. Позже в моем протоколе осмотра места преступления я напишу так:

«Костный череп на ощупь цел, в естественном положении. Голова покрыта собственными волосами каштанового цвета, около 0,1 см длиной. По всей вероятности, голова недавно побрита, волосы извлекаются с трудом. Волосистая часть головы в области затылка испачкана в земле, следов травм не обнаружено. Лицевой череп и носовые кости на ощупь целы, носовые ходы свободны. Кожа лица немного испачкана в земле, следов травм также не обнаружено. Глаза приоткрыты, цвет зелено-коричневый, глаз-

нищцы средней ширины, одинакового размера. [...] Рот открыт, в ротовой полости – собственные зубы на верхней и нижней челюстях. На передних зубах – частицы земли и коры деревьев. Язык завален в гортань, помимо описанных выше частиц грязи полость рта свободна от постороннего содержимого. Шея тонкая, кожа без повреждений. Грудная клетка на ощупь податливая к нажатиям, целая, в естественном положении. Эпидермис не поврежден, эпидермис живота и сам живот мягкие. Костный таз на ощупь цел. В области паха справа обнаружена рана в форме угла, длиной около 5 см; края раны отстают друг от друга примерно на 5 см. [...] Рана прощупывается по направлению к гениталиям, ориентировочная глубина канала прокола составляет не менее 8 см. Мышцы на дне раны видны и пальпируются, при надавливании обильно вытекает жидкая кровь».

Итак: никаких следов удушения или побоев, только большая рана справа в паху. Мой предварительный вердикт таков – вероятно, это был удар ножом, а значит, совершено «преступление», то есть ножевое ранение нанесено не самой жертвой. Размер и характер ножа? Я пока не готов ответить на этот вопрос точно, но очевидно, что это были не маленькие ножницы и не нож для вскрытия писем.

Впрочем, полиция никогда не требует от нас подробной информации о причине смерти или об оружии преступления сразу. Это было бы совершенно непрофессионально: если мы сначала скажем одно, а после вскрытия выяснится дру-

гое, расследованию это только помешает. Часто полицейские помогают нам, судебным медикам, на месте преступления – например, когда нужно перевернуть труп, чтобы внимательно осмотреть спину. Это тоже часть нашей рабочей рутины. Песчаная лесная тропинка, на которой лежит мужчина, не пропитана кровью, зато поблизости обнаруживаем несколько участков с темной влажной землей. Именно там жертва, наверное, и упала, а врачи «Скорой помощи» потом перетащили тело на тропинку для реанимационных мероприятий. То, что наш бледный труп сам себя ударил ножом в пах, например, чтобы покончить с собой, мне кажется крайне маловероятным. Дежурный прокурор отдает распоряжение о срочном вскрытии.

Обычно между смертью и вскрытием трупа проходит несколько дней, но в случае убийства, например, если преступник или преступники находятся в бегах или орудие убийства еще не нашли, все торопятся. Вскрытие проводится всего через несколько часов после смерти. Помимо прочего, это означает, что тело еще не остыло. Тогда чувствуешь себя немного хирургом, только у пациента на столе нет пульса или дыхания. Лично я не люблю делать такие вскрытия. Это создает обманчивое ощущение близости, как будто ты имеешь дело с живым человеком. Когда вскрываешь уже окоченевшие трупы, такого ощущения нет.

Принято считать, что в течение двух-трех часов после смерти тело человека поддерживает внутреннюю температу-

ру тела на уровне 37 градусов, после чего она начинает снижаться примерно на один градус в час. Температура окружающей среды, одежда и другие факторы тоже играют важную роль. Поэтому для определения времени смерти мы, судебные врачи, оцениваем текущую ректальную температуру, нормальную температуру тела человека и температуру наружного воздуха в соотношении с другими факторами. Этот метод относительно надежен, но не на все сто процентов. Например, если у умершего на момент смерти температура была 39 градусов, такие расчеты будут не верны. Иногда дополнительные измерения с помощью импульсов тока помогают нам активировать лицевые мышцы. Со стороны может показаться, что труп подмигивает. Еще мы используем специальные глазные капли и смотрим, реагируют ли зрачки и как они это делают.

Труп с лесной тропинки, вскрытие которого проводится на следующее утро, примерно через 15 часов после смерти, все еще остается теплым. Тело, температура которого составляет 25 градусов, вызывает совершенно другие ощущения, чем тело, температура которого лишь немного выше точки замерзания. Трупы, которые мы регулярно вскрываем, предварительно хранятся в холодном помещении при 4 градусах. Это как раз та температура, при которой процессы гниения замедляются до максимума. Замораживание при более низких температурах не имеет смысла. Ведь это разрушит ткани, и работать с органами станет невозможно. Кро-

ме того, если труп разморозить, то процесс гниения начнется еще быстрее. Вот почему мне более привычно работать с холодными телами. Однако когда назначается немедленное вскрытие, тело часто ощутимо теплое.

На бледной коже уже появились первые личинки мух – в такую жару они атакуют труп очень быстро. Травм, полученных в результате самообороны, я не обнаружил. Это, как правило, царапины на предплечьях, указывающие на то, что жертва поднимала руки, пытаясь защитить голову или тело. Обычно, когда на человека нападают спереди, он рефлекторно поднимает руки вверх. Часто бывает, что так поступают люди в агонии – вскидывают руки и напарываются на лезвие нападающего. Знание об этом сыграет важную роль в одном случае, о котором я расскажу позже.

У лежащего передо мной трупа таких следов я не обнаружил – ни порезов, ни колотых ран, ни каких-либо других следов борьбы. Это тоже важная информация для расследования, потому что с точки зрения судебной медицины важно не только то, что мы видим и обнаруживаем, но и то, чего мы не видим.

В этом случае все указывает на то, что удар ножа застал мужчину врасплох. Также весьма вероятно, что пострадавший был в сознании, когда получил ножевое ранение в пах. «Ласточкин хвост» доказывает, что, войдя в рану, нож менял свое положение. Это имеет вполне логичное объяснение: получая глубокий удар ножом в пах, человек дергается и кор-

чится от боли.

Даже если причина смерти очевидна, во время вскрытия мы исследуем не только три полости – так бывает всегда, когда речь идет о предполагаемом убийстве. Мы разрезаем кожу на спине, руках и ногах, обнажая мышцы и кости. Упустить из виду нельзя ничего. Кстати говоря, крови при таких манипуляциях бывает совсем не много – когда сердце перестает биться, она уже не брызжет фонтаном. Жировая ткань обычно желтого цвета, мышцы – коричнево-красного. У этого трупа ничего интересного я не обнаруживаю. Никаких отклонений. Ребра и позвоночник тоже целы. Только в левом желудочке – небольшой полосато-красный участок под внутренней оболочкой сердца. Вот оно! Это так называемое кровоизлияние, которое возникает, когда здоровый человек с сильным сердцем внезапно теряет много крови. Как двигатель автомобиля, который работает без бензина и, в конце концов, глохнет. Сердце все бьется и бьется, а крови для транспортировки больше нет. Вот примерно так делаются медицинские заключения. Это кровоизлияние – не единственное и не главное доказательство быстрой смерти от кровотечения, а только одно из нескольких. По краям раны также можно судить, что мужчина умер достаточно быстро из-за повреждения паховой артерии. Ни экссудата, ничего: у этого организма – в отличие от трупа на балконе – не было времени, чтобы запустить программу по заживлению ран.

После вскрытия органы возвращают в полости тела, а труп

зашивают. Возможно, вас успокоит тот факт, что труп после вскрытия выглядит не хуже, чем до него. Только один большой шов от лобковой кости до шеи и второй, маленький, который проходит через затылок от уха до уха, напоминают о том, что мы вскрывали все полости тела и вынимали все органы, включая мозг, для исследования. Для похорон продольный шов на теле легко спрятать под рубашкой с высоким воротником, а шва на затылке обычно не видно за волосами. Прошедшее вскрытие тело без проблем поддается транспортировке.

Но вернемся к вскрытию тела погибшего от рук наркодилеров. Теперь уже можно сказать наверняка: это совершенно типичный случай разборок в берлинском наркобизнесе. Между несколькими дилерами возник спор, один пырнул другого ножом, у того открылось сильное кровотечение. Жертве, увы, не повезло. Но удары ножом в пах всегда меня настораживают, с недавних пор я не считаю их случайностью.

Так, во время демонстрации в Бонне в 2012 году преступник напал с ножом на троих полицейских. Это нападение зафиксировала камера. И куда же целился наш «демонстрант»? Прямо в пах! Ни в живот, ни в грудь, ни в горло. Тогда все офицеры были только в касках, дополнительной защиты на них не было. И в ходе инцидента серьезные ранения получила женщина-полицейский. Позже преступник был арестован и осужден – но покушение на убийство дока-

зять не смогли.

Колотые раны в пах более коварны, чем глубокие проколы или порезы артерий плеча или бедра. Перечисленные травмы можно эффективно минимизировать с помощью жгутов, ремней или того, что еще попадет под руку. Но как перевязать сильно кровоточащую рану в паху? Остановить кровотечение в этой части тела практически невозможно. Единственное, что здесь может помочь в качестве неотложной меры, — это максимальное сдавливание. Некоторое время назад в одной берлинской газете была опубликована фотография высокого, крепкого фельдшера, стоящего на колене прямо на бедре пациента, получившего огнестрельное ранение в пах. Он сидел прямо на раненом на всем пути от места преступления до больницы, давя всем своим весом на кровоточащую рану в паху. Затем в операционной его сменил сосудистый хирург. Действительно, что может быть эффективнее, чем стоять на коленях на обильно кровоточащей колотой ране и сдавливать ее именно с той силой, с какой нужно, для прекращения кровотечения.

На следующий день преступник, нанесший удар ножом в салоне автомобиля, был арестован. Спустя некоторое время он и водитель предстали перед судом по обвинению в нанесении смертельной раны потерпевшему. Им было предъявлено лишь обвинение в нанесении телесных повреждений, повлекших за собой смерть. Я был приглашен в качестве эксперта в суд. Версия обвиняемых в суде звучала так: они все-

го лишь хотели напугать 29-летнего парня на заднем сиденье машины, но нож сам нечаянно воткнулся в пах потерпевшему, когда они ехали по ухабистой лесной дороге. Они запаниковали, вытащили жертву из машины и сбежали.

Обратное доказать не удалось. Даже посредством выводов судмедэкспертов.

4. Роковая интрижка

Мой любимый бар – это самая настоящая берлинская пивнушка, он находится совсем рядом с моим домом, прямо за углом. Я знаком со многими постоянными посетителями – и, к сожалению, некоторые из них уже побывали на моем столе для вскрытий. В конце концов, Берлин не такой уж и большой город. Один из посетителей заведения был действительно интересной личностью: худощавый, изможденный алкоголик, но всегда опрятный и очень замкнутый. Мы звали его Манни, но, как потом выяснилось, это было его прозвище. Он носил куртки не по размеру и всегда заказывал только маленькие порции пива. Мужчина никогда не проявлял агрессию, напротив, он всегда был предельно тактичным. Иногда – но только когда его спрашивали – он рассказывал истории из своей насыщенной событиями жизни: он был родом из восточной части Берлина и до падения стены работал портье в каком-то дорогом отеле. Затем Манни ввязался в торговлю иностранной валютой, оказавшись в итоге в ГДР, где попал в тюрьму Штази. В баре он обычно сидел под большой резиновой пальмой прямо у стойки бара. Однажды это место под пальмой опустело.

Несколько дней спустя выяснилось, что его нашли мертвым в собственной квартире – и что даже я лично проводил вскрытие. Но поскольку тело уже сильно разложилось, а на-

стоящее имя Манни мне было неизвестно, я не узнал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.